

Чжао Чжиман, увидев, что пожилая служанка ушла, сразу же вошла в комнату Чэн Цзытао и приступила к тщательной «уборке».

В ящиках лежали старые книги и тетради; под кроватью — старая одежда; в глубине гардероба — различные мелочи; а в тумбочке у кровати находилась запертая коробка.

Чжао Чжиман взяла коробку и вышла из комнаты, затем нашла молоток, чтобы открыть её. Внутри оказался сплошной мусор, причём детский: коробки с карандашами, игрушечные лягушки, блокноты с мультяшными героями — словом, ничего ценного.

Разозлившись, она швырнула коробку на стол и пробормотала:

— Что за ерунда? Хранил, словно золото, да ещё и запер. Совсем с ума сошёл.

Чэн Чжилинь, потягивая чай, взглянул на раздражённую Чжао Чжиман. Он всё больше замечал её вульгарность и скучность, в то время как Хэ Цзяхуэй в плане изысканности оставляла её далеко позади.

— Для тебя важны, видимо, только деньги, — с сарказмом произнёс он.

Услышав это, Чжао Чжиман резко обернулась, её лицо сразу же потемнело. Теперь, когда они уже были женаты, она больше не собиралась притворяться покорной. Громко выкрикнув, она продолжила:

— Что ты сказал? Ты что, меня презираешь? У меня нет ни денег, ни влияния, как у твоей бывшей жены-калеки, так что я тебя позорю?

— При чём тут моя бывшая жена? Ты просто ищешь повод для ссоры!

Чэн Чжилинь поставил чашку и собирался уйти, но Чжао Чжиман не унималась:

— Опять завёл любовницу? Сколько ей? Восемнадцать, двадцать, а может, двадцать два? Ну конечно, мужчины в любом возрасте любят молодых и красивых. Я родила тебе Цзыюэ, теперь, когда он вырос, тебе больше не нужно заботиться, так что ты готов продолжать свои похождения и выгнать меня ради неё?

Её агрессивный тон всё больше раздражал Чэн Чжилиня, и он холодно ответил:

— Что за слова про любовницу? Это ты сама была любовницей. Я мужчина, это нормально, а ты, женщина, сама ко мне пристала. Одним словом — низкая.

Его убеждение было простым: мужчинам нормально искать женщин на стороне, а женщинам — нет. Поэтому он никогда не считал себя подлецом, полагая, что женщины, которые к нему пристают, сами виноваты. Они, мол, просто хотят денег.

После его слов Чжао Чжиман вдруг разрыдалась. Она бросилась к Чэн Чжилиню, схватила его за одежду и закричала:

— Ты неблагодарный! Я столько лет была с тобой, родила тебе сына, жила в той квартире, ничего не говорила, каждый день ждала тебя, старалась угодить, боялась, что ты расстроишься. Теперь мы наконец поженились, а ты называешь меня низкой? Чэн Чжилинь, у тебя вообще есть совесть? Я была с тобой, потому что любила тебя, как ты можешь так со мной говорить?

Её крики привлекли внимание Чэн Цзыюэ и Цзян Хао. Чэн Цзыюэ поспешил разнять их, а Цзян Хао лишь наблюдал с ухмылкой.

В этот момент в дом вошли Чэн Цзылинь и его отец Чэн Чжисун, их лица выражали гнев.

Чжао Чжиман сразу же замерла, а Чэн Чжилинь почтительно произнёс:

— Старший брат.

Чэн Цзыюэ также почтительно поздоровался:

— Дядя, кузен.

Чэн Цзылинь холодно взглянул на Чэн Цзыюэ, не сказав ни слова, а Чжао Чжиман поспешно вытерла слёзы, привела в порядок растрёпанные волосы и спросила:

— Старший брат, племянник, что привело вас сюда?

Чэн Чжисун протянул Чэн Чжилиню лист бумаги, полностью игнорируя Чжао Чжиман. Прочитав его, Чэн Чжилинь резко развернулся и дал ей две пощёчины:

— Позор семьи! Становись на колени и извиняйся перед старшим братом.

Чжао Чжиман и не думала становиться на колени. Раньше у неё не было статуса, но теперь она была законной женой Чэн Чжилиня. С чего бы ей кланяться?

— С чего? — выкрикнула она.

Чэн Чжилинь снова ударил её, на этот раз ещё сильнее. От боли Чжао Чжиман на мгновение оцепенела, а затем, сжав зубы, прошипела:

— Попробуй ещё раз ударить.

Чэн Чжилинь не испугался и снова ударил её несколько раз, после чего закричал:

— Сейчас же становись на колени и извиняйся перед старшим братом!

Чжао Чжиман тоже закричала:

— С чего? Почему я должна становиться на колени?

Чэн Чжилинь, видя её упрямство, пнул её в подколенное сустав, и Чжао Чжиман с грохотом упала на колени. Боль в коленях заставила её наклониться вперёд, но она всё же смогла удержаться.

Однако, опустившись на колени, она тут же поднялась, опираясь на диван, и бросилась на Чэн Чжилиня. Они начали драться.

Чэн Чжисун, не в силах больше смотреть на это, сказал:

— Хватит! Прекратите эту возню. Давайте разберёмся с ситуацией, а не будем то и дело становиться на колени.

Чэн Чжилинь остановился, Чжао Чжиман тоже успокоилась. Оба стояли с красными глазами,

их взгляды полны ненависти друг к другу.

Чэн Цзылинь вышел вперёд и встал между ними:

— Дядя, хватит ссориться. Это всё равно нужно решить. Давайте сядем и обсудим. И, кстати, впредь не бейте женщин, это выглядит ужасно.

Чэн Чжилинь изначально хотел, чтобы Чжао Чжиман встала на колени, извинилась и поклонилась пару раз, ведь они всё-таки родственники, и, возможно, всё бы обошлось. Но Чжао Чжиман оказалась глупа и ничего не поняла, только ещё больше разозлила его. Он злобно посмотрел на неё, затем повернулся к Чэн Чжисуну и сказал:

— Старший брат, скажи, что делать. У меня нет таких денег.

Услышав о деньгах, Чжао Чжиман начала нервничать. Она подняла упавший лист бумаги, прочитала его и оцепенела.

30 000 000? Эти две вещи, которые она взяла, стоили 30 000 000? Эти два куска старого нефрита?

После первоначального шока Чжао Чжиман почувствовала странное удовлетворение. Она больше не боялась. Даже если Чэн Чжилинь захочет развестись с ней, у неё теперь есть эти два куска нефрита. Она сможет отсудить у него приличную сумму, и её будущее будет обеспечено. Она сможет жить на широкую ногу.

Теперь, зная ценность этих двух кусков нефрита, она ни за что не отдаст их. 30 000 000 — она не дура. Теперь она даже жалела, что не «разбила» больше вещей. Она поняла, что жизнь в богатой семье действительно другая — даже обычные вещи могут стоить миллионы.

— Чжилинь, когда тётя прислала мне фотографии, ты даже не представляешь, как я расстроилась. Я даже не видела осколков этих двух кусков нефрита, мне просто сказали, что невестка разбила их, когда убиралась. На фотографиях, которые он прислал, я увидела, что разбиты именно эти два самых ценных. Эх.

Чэн Цзылинь посмотрел на Чжао Чжиман и сказал:

— Ладно, сначала дай нам осколки, я и отец посмотрим, сможем ли мы их восстановить.

Чжао Чжиман замерла, затем начала яростно мотать головой:

— Я случайно разбила их, увидела, что они разбиты, и просто выбросила в мусорное ведро. Мусор уже вынесли.

Чэн Чжисун снова вздохнул:

— Ну что ж, Чжилинь, решай, что делать.

Чэн Чжилинь снова посмотрел на Чжао Чжиман. Теперь она поняла, почему он так сильно её ударил — всё из-за денег.

Ей стало немного не по себе, но она всё равно не собиралась отдавать эти два куска нефрита. Однако, видя, как Чэн Чжилинь смотрит на неё, она сказала:

— Простите, это моя вина. Я действительно не знала, что нефрит стоит так дорого. Если бы

знала, ни за что не стала бы убирать. Но я убирала комнату с добрыми намерениями, а разбить ваш нефрит было случайностью. Старший брат, вы ведь не заставите нас платить?

Чэн Чжисун промолчал, а Чэн Цзылинь с улыбкой сказал:

— Тётя, 30 000 000 — это не та сумма, которую можно просто простить. Давайте так: мы всё-таки одна семья, и нефрит тоже был недосмотрен отцом. Пусть вы заплатите половину — 15 000 000. Меньше никак.

Чжао Чжиман промолчала, но она знала, что на счету Чэн Чжилия около 8 000 000, плюс её собственный 1 000 000 — всего около 9 000 000. Но эти деньги были их личными, и Чэн Чжилия не хотел отдавать их Чэн Чжибаю.

<http://bllate.org/book/16558/1511338>